тельнее, если бы в него вошли также наиболее яркие очерки казахских писателей о заграничных поездках. Следовательно, надо вдумчивее решать вопрос о самом типе аналогичных изданий.

Более строго следует отбирать и материалы иностранных авторов. Не все, что опубликовано ими о Казахстане, одинаково интересно для советских читателей. Очерки Гейнца Штерна заняли, например, почти четвертую часть сборника, хотя многое в них уже общеизвестно и без ущерба могло быть сокращено. Вместе с тем китайские авторы представлены только одним коротеньким высказыванием Гэ Баоцюаня. Да и вообще торопливо подобранные материалы сборника охватывают только девять стран.

И все же в целом «Слово зарубежных друзей о Советском Казахстане» — полезное издание. Такие сборники с успехом могут быть подготовлены и в других советских республиках, разумеется без повторения недостатков рецензируемой книги.

М. ФЕТИСОВ

КНИГА О Б. ГОРБАТОВЕ*

В одном из черновых вариантов «Донбасса» Б. Горбатов писал, что всегда стремится вложить в произведение все, что занимает его ум и сердце. Писатель признавался, что он и не умеет приберегать что-либо на «черный день»[1]. Эта особенность творчества Б. Горбатова наглядно отражена уже в первоначальных планах его романов и повестей. Он мог себе позволить такую щедрость, потому что роман, задуманный в горняцком поселке, куда посылала «Правда» своего корреспондента, он начинал писать где-нибудь в Свердловске или на Магнитке, продолжал зимовщиком на Диксоне, заканчивал перед походом в Западную Белоруссию в качестве боевого офицера. Уж ему-то нечего было опасаться, что опустеют закрома, исчерпаются замыслы, сюжеты, образы. Замыслы писателя уточнялись не только за письменным столом,— происходила своеобразная шлифовка жизнью. Советская действительность раскрывала перед художником все новые богатства, и нередко то, что раньше представлялось лишь эпизодом, обрастало новыми связями и получало право на самостоятельное существование. Тогда в процессе реализации замысла происходило «отпочковывание» сюжетных линий. Не случайно, решив «втиснуть» в только что написанную книгу весь свой жизненный опыт, писатель делал оговорку: «Все! Все показать, что только вместится в сюжетные рамки». Готовя к новому изданию «Донбасс», Горбатов снимает слова «конец первого тома»: вместо одной небольшой повести ему все яснее представляется целая серия романов — «Перед войной», «Война», наконец, «1950 год» как часть романа «Большой Донбасс»...

Можно сказать, что жизненный опыт писателя не только давал ему материал,— он наложил свой беспокойный отпечаток на само построение его произведений — многоплановых, с обилием сюжетных ходов, с перенесением места действия с Юга на Север, с Запада на Восток нашей родины,— он определил взаимосвязь между различными произведениями писателя. А эта своеобразная творческая

---

* Галина Колесникова, Борис Горбатов. Творческая биография, «Советский писатель», М. 1957, стр. 239.

[1] ЦГАЛИ, ф. 2203, оп. 1, ед. 18, л. 22.

манера Б. Горбатова, в свою очередь, наполняла жадным нетерпением и без того кипучую его жизнь. Связь художника с жизнью — процесс творческий, это позиция писателя, и — как и все явления творческого порядка — она не может не отражать своеобразия мастера, она сама — залог этого своеобразия.

В книге Г. Колесниковой «Борис Горбатов» дана в основном правильная картина жизненного и творческого пути писателя. Но с некоторыми высказываниями исследователя все же нельзя согласиться. Это относится прежде всего к истории работы над «Алексеем Гайдашем» и эпопеей о Донбассе.

В высказываниях о первом из этих произведений в книге имеются явные противоречия. Так, в одном месте читаем, что Б. Горбатов работал над повестью, «как теперь удалось установить, в 1935—1938 годах. В начале 1939 года он предложил книгу альманаху «Год XXII»...».

Действительно, уже после того, как «Алексей Гайдаш» был опуликован по найденной после смерти писателя рукописи, стало известно о существовании пространной рецензии на эту повесть, обнаруженной в архиве альманаха «Год XXII»[1]. Совершенно ясно, что в то время Б. Горбатов считал свою книгу законченной и отнес в редакцию беловую рукопись. Однако Г. Колесникова несколько раз повторяет, что писатель так и не закончил это произведение. Доказательства, приводимые в защиту этой точки зрения, кажутся неубедительными. Критик исходит из того, что не все сюжетные линии плана (по ее мнению — первоначального) нашли свое воплощение в повести. Но, во-первых, по предварительному плану вообще нельзя составить окончательного суждения о сюжетных рамках произведения в целом (фадеевский «Разгром», например, тоже пришлось бы в таком случае считать незавершенным: ведь Мечик так и не покончил самоубийством). Во-вторых, приводимый Г. Колесниковой план, составленный Б. Горбатовым на Диксоне в 1935 году, отнюдь не является первоначальным. Перед нами письмо Б. Горбатова в издательство «Федерация», относящееся, как это следует из его содержания, к концу 1932 года или к самому началу 1933 года. В нем излагается план романа в двух частях (условное его название — «Жажда») и, между прочим, говорится: «Я хочу показать это — мое — поколение через нескольких ребят. Их судьба, рост их, откуда и куда они идут.

Мне представляется эта книга большим и очень пестрым полотном: здесь будет и детство моих ровесников, учеба под артиллерийские раскаты, атмосфера революции, великая ломка старого и рождение иного; здесь будет и борьба за советскую школу, и первые дни нэпа в восприятии моих сверстников, и комсомол во всех этапах с 1921 по сегодняшний день. Здесь хочется мне — через другого героя — показать завод, фабзавуч, производственную учебу, реконструкцию завода, иное отношение к труду. Жизнь приведет моего третьего героя — в 1929 году — и в армию. Другого бросит на уголь, еще одного на село. Кое-кому придется ездить, смотреть, щипать жизнь...»[2]. Если быть последовательным, то и «Мое поколение» (прежнее название — «Жажда») пришлось бы считать незавершенным: ведь приведенный план куда шире этого романа, в нем многое относится уже к следующим произведениям, в том числе и к «Алексею Гайдашу». Неожиданно зазимовав на Диксоне (свое место в самолете он уступил больному), писатель, по-видимому, по памяти восстановил ту

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 622, оп. 1, ед. 26.
[2] Отдел рукописей ИМЛИ, инв. № II 8631.

часть плана, которая не была использована в «Моем поколении», добавив новую для него «северную» линию[1]. Эту запись и приводит Г. Колесникова в качестве первоначального плана. Правда, в отличие от других книг Б. Горбатова «Алексей Гайдаш» — произведение с одним главным героем,— не говорит ли это о том, что другие сюжетные линии, в частности северная, попросту недописаны? Но ведь уже само заглавие произведения необычно для Горбатова: не «Ячейка» или «Наш город», не «Мое поколение» или «Донбасс», а — «Алексей Гайдаш» — по имени главного героя. К тому же Г. Колесникова, по-видимому, не учла изменения в датировке повести: раньше предполагалось, что Б. Горбатов прервал работу над ней чуть ли не в 50-е годы, теперь же установлено, что он завершил ее к началу 1939 года, то есть в разгар работы над книгой «Обыкновенная Арктика», отдельные рассказы из которой были уже опубликованы, а рассказ «Суд над Степаном Грохотом», прямо перекликающийся с приводимым Г. Колесниковой планом «Алексея Гайдаша», был напечатан в том же альманахе, где предполагалась публикация повести. Как видим, писатель остался верен себе: он действительно описывал одновременно и Север и Юг, и море и горы, но «северным» эпизодам, обогащенным новыми наблюдениями (после Диксона — большой арктический перелет), уже стало тесно в сюжетных рамках повести, ставшей произведением с одним главным героем. Единство творческой манеры писателя вовсе не означает однообразия.

Если и можно говорить о следах черновой работы в повести (в том виде, в каком она публикуется сейчас), то лишь в смысле неотшлифованности отдельных деталей, но никак не сюжетной незавершенности[2].

Что же касается эпопеи о Донбассе, то Г. Колесникова утверждает, будто Б. Горбатов с 1951 года (после поездки на Кавказ) «к работе над романом больше не возвращался» (стр. 239), а занимался только подготовкой к изданию своих прежних произведений. Это неверно; над чудесной главой «Прощание» писатель, несмотря на болезнь, трудился в июле 1952 года, — об этом можно судить по такому факту: по давней своей привычке Горбатов, слушая радио, записывал последние известия тут же, на рукописи, над которой работал,— и вот на листе, где коногон Савка Кугут укрощает Сатану, находим имена советских спортсменов и итог: «140 очков»[3]. А ход Олимпийских игр 1952 года нам хорошо известен. Кстати, благодаря этой привычке писателя мы можем уточнить датировку и других его произведений.

В книге Г. Колесниковой, за исключением немногих страниц, удачно сочетается изложение биографии Б. Горбатова с анализом его произведений. Убедительно, часто на свежем фактическом материале раскрыто, как с обогащением жизненного опыта крепнет художественное мастерство Горбатова, как товарищи по работе становятся героями его книг,— и этот путь исследования продиктован не погоней за прототипами, а стремлением на опыте писателя показать, как необходима художнику тесная связь с народом, раскрыть основные принципы художественного

---

[1] Следует отметить, что над второй книгой «Моего поколения» Б. Горбатов работал еще до полета на Север, в 1934 году, в Свердловске.

[2] Предположение Г. Колесниковой, что после отрицательной рецензии одного из сотрудников альманаха Б. Горбатов даже от ближайших друзей скрывал самый факт существования «Алексея Гайдаша», отпадает хотя бы уже потому, что о намечавшемся выпуске повести издательством «Советский писатель» сообщалось в прессе (газета «Вечерняя Москва» от 30 декабря 1940 года).

[3] ЦГАЛИ, ф. 2203, оп. 1, ед. 84, л. 66.

осмысления действительности в произведениях Б. Горбатова. Мастерству — в самом широком смысле слова — могут научить молодых писателей и многочисленные сравнения беллетристических произведений Б. Горбатова с его корреспонденциями, заметками, дневниками. Это помогает Г. Колесниковой документально подтверждать выдвигаемые положения. Так, связь с Горьким в рассказе «Мы и радист Вовнич» критик обнаруживает путем сопоставления его с рассказом Горького «Двадцать шесть и одна» и подтверждает ссылкой на горбатовский черновик, где рассказ назван «Шесть и одна».

Б. Горбатова называют лириком в прозе, и «секреты» мастерства и творческого своеобразия писателя Г. Колесникова открывает, исследуя особенности его лиризма.

Его любимые герои — это люди, которых он знал и любил в жизни: проходчики и строители, воины и металлурги, комсомольские вожаки и партийные организаторы — люди «с солнцем в крови». Формирование характера нашего современника, воспитывающая роль труда, духовная сила и непобедимость нашего народа, организующая роль Коммунистической партии — вот сквозные темы его творчества. Рассматривая лучшие произведения писателя, критик указывает на своеобразное творческое решение этих проблем. Так, тема партии и партийного руководства в «Непокоренных» решается Горбатовым «прежде всего как тема внутренней, духовной жизни его героя, его самых задушевных размышлений» (стр. 157); красота трудового подвига Виктора Абросимова увидена глазами влюбленной в него Даши, а северный пейзаж становится близким, родным читателю, потому что красоту его открывает старик Терень, сердцем приросший к этому краю.

Лирической направленностью таланта Б. Горбатова объясняет критик и своеобразную манеру повествования — его «приподнятый, эмоциональный, романтический стиль» (стр. 68), его обращения к читателю-другу, лирические отступления, разговорные интонации, открыто выраженное авторское восхищение одними персонажами и нескрываемая ненависть и презрение к другим, наконец,— само построение горбатовских романов и повестей, когда писатель вводит себя в число действующих лиц (под именем Сергея Бажанова), к тому же оставляя за собой право говорить от имени автора. Г. Колесникова прослеживает, как неповторимый горбатовский стиль находит конкретное воплощение в зависимости от содержания каждого произведения. Так, мягкие пейзажи, обилие тонко подмеченных деталей — указанные критиком особенности «Обыкновенной Арктики» — сменяются в большинстве произведений военных лет предельным лаконизмом, а детали поднимаются до высоких символов.

Критик указывает и на истоки горбатовского лиризма. Это — кровная близость к герою, близость, доходящая подчас до слияния авторского голоса с голосом его персонажей. «Мысли Алеши или мои о будущей войне» — вот очень характерная для Горбатова конспективная запись замысла.

У Горбатова и его героев миллионы верных друзей-читателей, которых автор стремится превратить в собеседников. Сознание единства со своим народом, стремление определить свое место в общей борьбе за торжество самых человечных идеалов являлось для писателя стимулом к творчеству, источником вдохновения.

Все это в книге «Борис Горбатов» показано с достаточной убедительностью, но под конец Г. Колесникова впадает в ненужную крайность. «Критики «Донбасса»,— пишет она,— обвиняли автора в том, что он не ввел Сергея Бажанова в основное

русло сюжета. Действительно, образ Сергея Бажанова был бы богаче, если бы автор переплел его судьбу с судьбою других героев. Но тогда исчезла бы одна из характерных черт романа» (стр. 228). Это неверно в принципе (при всем уважении к своеобразию того или иного художника, нельзя во имя этого своеобразия оправдывать его промахи: слабое остается слабым, будь то общее место или «оригинальный» недостаток), это противоречит фактам, о которых — в другой связи — говорила сама Г. Колесникова. Горбатов исключил из романа целую главу, разоблачающую Рудина. А ведь как раз в этой сцене, сохранившейся в рукописи[1], Сергей Бажанов вступает в борьбу с Рудиным! Отсутствие этой главы в окончательном тексте, как утверждает Г. Колесникова,— и с ней нельзя не согласиться,— привело к некоторому смягчению образа Рудина. Естественно, что как только «безобиднее» стал Рудин — тотчас в стороннего наблюдателя превратился неугомонный Бажанов. А такое смягчение конфликта вступает в противоречие с основным пафосом романа, с его своеобразием.

Есть, к сожалению, в книге Г. Колесниковой отдельные непродуманные формулировки и не совсем убедительные приемы исследования. В результате получается, например, что в «Моем поколении» возвышенная романтика существует в одних сценах, а правда жизни — в других, так что не ясно, сохранена ли верность действительности в сценах, отличающихся романтической приподнятостью. Сравнивая горбатовский «Рассказ о двух мужчинах» с «Любовью к жизни» Джека Лондона, Г.Колесникова ограничивается «доказательством от противного», что, конечно, обедняет смысл произведения Б. Горбатова. Здесь, как и в «Алексее Гайдаше», Г. Колесникова не учла отклонения автора от первоначального замысла.

«Я очень люблю переделывать, это тоже творческий процесс, работа над словом»[2],— говорил Б. Горбатов на Втором Всесоюзном совещании молодых писателей, делясь опытом работы над уже законченным, но еще не отшлифованным «Донбассом». Этот этап писательского труда обойден в книге.

Рассматривая созданные Б. Горбатовым образы коммунистов, Г. Колесникова почему-то обошла Ушакова, который в рассказе «Таян-начальник» является едва ли не главным персонажем (хотя рассказ этот анализируется весьма детально, Ушаков лишь мельком упомянут). Совсем ничего не сказано о намерении Б. Горбатова написать рассказ о секретаре Чукотского райкома партии Н. Ф. Пугачеве и включить его в «Обыкновенную Арктику», что весьма важно для понимания замысла этой книги в целом[3].

После всего сказанного исследователем о начале творческого пути писателя удивляет неполнота картины, рисующей последние годы его жизни. Ничего, например, не сказано о связи Горбатова с Брянщиной, если не считать простого сообщения о том, что в 1947 году трудящиеся четырех районов Брянской области выдвинули Б. Горбатова кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. А ведь как задушевно, искренне звучат думы одного из персонажей «Донбасса» — коногона Бобыля—о родной Брянщине! Без Никифора Бубнова, по прозвищу Бобыль, нельзя себе представить «Прощание» — лучшую главу книги. О послевоенном восстановле-

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 2203, оп. 1, ед. 62, л. 1—8.
[2] Архив ССП, пор. 71, оп. 10, л. 16.
[3] Замысел этот отражен в черновиках писателя. ЦГАЛИ, ф. 2203, оп. 1, ед. 10, л. 60.

нии колхозов и трудовых буднях брянских колхозников писал Горбатов и в очерках. Публицистическая деятельность писателя этого периода вообще забыта. А Горбатов не только изучал научную и научно-популярную литературу по вопросам, интересовавшим его в связи с задуманными произведениями, — он активно участвовал в ее популяризации именно как писатель, как автор разрастающихся до очерков предисловий к различным книгам и сборникам о Донбассе и об Арктике — традиция, восходящая к Горькому.

Г. Колесникова — и это совершенно естественно — использует в своей работе наблюдения других литературоведов и критиков. Но если, например, в предисловии к Собранию сочинений Б. Горбатова, приводя интересный факт из истории создания «Непокоренных», она ссылается на А. Ионова, то в рассматриваемой книге это наблюдение приводится уже без всяких ссылок. Таких случаев в работе немного, и сноски не загромоздили бы книгу, а научная ценность ее от этого только бы повысилась.

Укажем и на некоторые досадные неточности и фактические ошибки, встречающиеся в книге Г. Колесниковой. Так, лейтенант Леонтий Деркач превращен в Дергача, Неунывако (кличка Якова Ставраки) — в Неунывайко; при разборе «Обыкновенной Арктики» слово *белушья* заменено другим — *белужья*, а тем самым белуха (полярный дельфин) превращена в белугу (которая в Арктике не водится). «Гайдаш приезжает в теплушке,— пишет Г. Колесникова в другом месте,— в маленький грузинский городок Ахалцихе у турецкой границы. (В этом самом городке когда-то сам Б. Горбатов проходил военное обучение)» (стр. 79). Но Б. Горбатов в своих романах никогда не давал подлинных названий городов, где развивается действие,— еще в рукописи он снимает все упоминания о Ворошиловграде («Непокоренные»), на отдельном листке черновика придумывает различные наименования городку, пока, оттолкнувшись от Черкассы и Чигирин (и, возможно, вспомнив Кобеляки), не получает Чибиряки («Донбасс»). При всей документальности этих произведений, писатель не связывал себя рамками какого-нибудь известного читателю пункта. В «Алексее Гайдаше» действие происходит в городе под вымышленным названием Крепость,— писатель получил его, переведя Ахалцихе с грузинского на русский, а Г. Колесникова зачем-то сделала обратный перевод. Вслед за этим критик сообщает, что Алеша отстает в беге на короткую дистанцию. Вряд ли три тысячи метров можно назвать короткой дистанцией, и замечание это делается отнюдь не из нашего пристрастия к точности легкоатлетической терминологии; дело не в спортивных качествах, а в самом характере Алексея: на короткой дистанции он мог бы, пожалуй, и блеснуть, а здесь — не хватило выдержки, он, как всегда, «слишком стремительно рванулся вперед и — выдохся».

«Борис Горбатов» — не первая работа Г. Колесниковой о творчестве писателя. Ее статьи о нем появлялись еще в начале 30-х годов, и в дальнейшем она откликалась почти на каждое его произведение. Ее книга содержит много фактов, наблюдений и выводов, которые, несомненно, помогут в дальнейшем изучении литературного наследства Бориса Горбатова. Не хотелось бы, чтобы наряду со всем полезным, имеющимся в книге Г. Колесниковой, вошло в литературный обиход и то, что представляется нам ошибочным.

Гор. Черновицы

Д. МЕДРИШ